

ОГОНЁК

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЧЕЛОВЕК СОЛНЕЧНОЙ
СТОРОНЫ

Четыре биографии
разной длины

Фрэнк Харди —
«ЛИШНИЕ РУКИ»
АВСТРАЛИИ

Рассказ
Юрия Сальникова —
НОЧЬ
НА ДЕВАРКАДЕРЕ

Человек солнечной стороны

Н. ХРАБРОВА

Фото Дм. БАЛТЕРМАНЦА.

Как это начиналось?

А очень просто. Василий Кавун родился здесь, на этой земле.

Когда он научился бегать, она согрела ему ноги теплой пылью деревенских дорог.

Когда он научился смотреть, она щедро открыла ему свой прекрасный, озаренный солнцем лик. Он всегда видел ее близко, рядом с собой — то черную, как антрацит, то зеленую, то позолоченную августом, каждой травинкой впитавшую цвет солнца.

В шесте пшеничных колосьев он слышал ее шепот и дыхание. Он полюбил ее, землю своего детства, и сумел стать верным ей и благодарным.

— А ну, поворачивайся, сынку, покажишь да расскажишь, как шагает вперед наша наука, — совсем как Тарас Бульба, допытывал Василия отец, агроном Михаил Корнеевич Кавун, когда сын приезжал домой, на каникулы, из Уманского сельскохозяйственного института.

О Михаиле Корнеевиче не написано книг. Был он агрономом, а каким был, можно судить по детям: их было семеро в семье, и пятеро стали агрономами.

Когда учились, думали: вот бы быть такими, как отец!

— А ну, поворачивайся, сынку, да рассказывай, как шагает вперед агрономия, — требовал Михаил Корнеевич и долго, придирчиво слушал рассказ Василия да разглядывал зачетную книжку. И, убедившись, что хорошо шагает агрономия и хорошо учится сын, припечатывал коротко:

— Ладно. Пусть теперь голова отдыхает, а руки учатся.

И руки учились. Учились все лето и к осени покрывались жесткими желтыми мозолями. За такую колхозную справу могли взяться крепкие руки этого высокого, красивого, зеленоглазого парня. Надо было косить вручную: время было послевоенное, машин не хватало, — и он косил с колхозниками от последней звезды до первой. Бываю среди косцов такие колдовские деды, что весь колхоз бегают к ним косы направлять, от них научился Василий этому, теперь уж старинному, искусству. И скирдоправы такие есть, что если поставили скирду, то после самой гнилой зимы, в самую сырую весну солома будет сухой, золотой и духовитой, как в день уборки, — от них Василий научился тянуть скирду. Был на уборке шофером, трактористом, комбайнером. Столярничать и слесарничать от отца научился, а лучше всего — шить и чинить сапоги. Осенью, провозжая сына в институт и сжимая его огрубевшую руку, отец говорил мягко:

— За мозоли не обижайся. Без них земли не поймешь и не научишься людям сочувствовать. Без них тебя, книгогоя, засмеют колхозники на поле.

А он дожидаться не мог этих дней, когда можно было снова сесть за книги. С интересом, близким к волнению, принимал аг-

рономию: батюшки-светы, какая сложная жизнь вот у этой самой обычной травинки! И сколько у человека возможностей изменить жизнь травы, и вид травы, и сущность травы. Он хотел стать ученым. Селекционером. Открышателем нового в древнем зеленом мире растений. После института собирался поехать в Киев, в аспирантуру. И сам же не позволил себе так поступить: к этому времени брат и две сестренки тоже захотели стать агрономами, надо было помочь им.

И вот она, земля, снова рядом, близко. Но какая земля! От ее вида болит сердце, и тревога, как плохой советчик, по ночам заставляет вскакивать с постели. Со стыдом вспоминается колхозное собрание, на котором «избрали» его председателем расшатавшейся артели, — это была другая артель, не та, где он вырос. Избрали в поле, потому что в правление просто никто не пришел. Избрали его с равнодушием, кто с ядовитыми наемщиками, потому что колхозники давно ничего не получали на трудодень, и гораздо больше, чем в председателе, только сошедшего со студенческой скамьи, верили в свои приусадебные участки. А поля! Можно было подумать, что в этой невеселой Веселовке люди сделали «важное открытие» и решили вместо пшеницы и кукурузы выращивать лебеду да осот.

Он пробовал рассердиться на колхозников и не мог: он же видел, как люди сами страдали от своей беды. Он разговаривал с женщинами в поле и со стариками, потерявшими силу рук и горевавшими о земле. И сделал единственно правильное: отовсюду, откуда мог, наскреб хлеба и денег и рассчитался с колхозниками. И только потом занялся очисткой семян, севооборотами, организацией труда.

Борьба была трудной, потому что не только сорняки одолели колхозные поля: в колхозе засела шайка расхитителей и пьяниц. Он, наверное, никогда в жизни не забудет тот жаркий день, пыльную молотубу. В поле не привезли воды. А один из руководителей колхоза, пьяный спозаранку, высунувшись из машины, бранил колхозника за плохую работу. Василий Михайлович ненавидит пьяниц и не дает им пощады.

Конечно, не достало бы силы двадцатитрехлетнему юноше одному справиться со всеми бедами, облепившими Веселовку. Да вот колхозники, почувствовав в нем справедливость и неподкупность, сразу встали за него стеной. Два года спустя после прихода Кавуна загремел по району маленький веселовский колхоз высокими надоями, хорошими урожаями, стойкой оплатой трудодня. А на четвертый год райком партии рекомендовал Василия Михайловича председателем в самое большое хозяйство района — в колхоз имени Сталина, что в Шляховой.

Когда-то здесь проходил широкий чумацкий шлях. Ополенные солнцем чумаки сворачивали в балку усталых ширококорых волов. Люди и животные жадно принимали к прозрачной холодной воде

степных криничек. Селились у воды люди, и стало тут большое село — Шляховая.

Жара, жара... Утро только что наступило, а жара уже вытолкала прохладу из густых садов Шляховой и обжигающей волной потекла по степи.

В этот ранний час в правление приходит Василий Михайлович. Приходит, как на праздник: в белом чесучовом пиджаке, со строгой складкой на брюках. В дверях посторонится, вежливо пропустит женщин вперед и не начнет разговаривать с человеком, не предложив ему сесть. В комнатах правления прохладно, окна затенены белоснежными занавесками, на крашенных полах ни соринки. Может быть, отсюда и начинается уютный порядок Шляховой — белые дома в окружении высоких георгинов и цинерарий, нарядные занавески на окнах и обычай после работы одеваться по-праздничному.

С утра в правление приходят колхозники по личным делам.

— Василий Михайлович, грошей треба для строительства.

— Василий Михайлович, будьте ласковы, дайте машину: песку привезти надо.

— Василий Михайлович, а мне бы стекла и газодей!

Никому нет отказа. Строится Шляховая, и меняется «классический» украинский пейзаж: уходят крохотные хатки под мохнатой соломой, вырастают большие, в четыре комнаты, дома с яркими железными и шиферными крышами.

Вот теперь, когда разошлись посетители, пора в поле!

Здесь идет молотуба. Мимо пыльных сухих валов плывут комбайны, и из их рукавов сыплется в машины шуршащая струя светло-янтарных ядреных горошин.

— Знаете, что такое горох? — рассказывает Василий Михайлович. — Это высокие надон молака, это мясо, это деньги: по шестьдесят рублей с гектара. А у нас гороха больше семисот га — вот и считайте! Да не в этом главное: горох — кормилец земли! Он дает такое обогащение почвы азотом, что после него мы получаем по 32 центнера пшеницы с гектара. А сахарная свекла! В прошлом году, посаженная по гороху, она дала нам вместо 350 обычных 480 центнеров с гектара! Горох — вернейший способ подкормить истощенные почвы, и учтите: мы засеваем им пары, не пустуют сотни гектаров и досыта кормится земля!

Василий Михайлович говорит о горохе ну прямо с почтением, и невольно начинаешь смотреть на это растение как на доброе и умное живое существо. А чит Василий Михайлович горох с институтских времен и именно ради него заочно занимается в аспирантуре и готовит о нем, о горохе, кандидатскую диссертацию. Со всех концов страны пишут в Шляховую председатели и агрономы, просят поделиться опытом. Вот и сейчас в кармане у Василия Михайловича лежит письмо, только что полученное от моего старого знакомого — председателя Псковского колхоза «Россия» Дмитрия Ивановича Иванова. Ох, и не прост

Дмитрий Иванович! Он сначала рассказывает, что «почвы у него бедноваты, доходы — миллионные, хозяйство многоотраслевое, все есть, а вот семян гороха нет, и купить негде. Так не откажите в любезности, Василий Михайлович, выслать нам пять тонн гороха».

— Пошлете ему?
— Да как же ему не послать, если он умница и все понимает! Непременно пошло.

Доплывают комбайны до зеленой стены и поворачивают. Тут начинается кукуруза. В полтора человекских роста, с пышными султанчиками соцветий, с огромными початками, еще плотно запеленатыми в зеленые листья. Шумит, как тайга.

— Тайга, говорите? Что вы! — смеется Василий Михайлович. — Всего полторы тысячи гектаров! А вот еще полторы тысячи гектаров золотой стерни. Здесь была пшеница. Она скошена и обмолочена, от нее остались в поле только мочуги, как бестюны, скирды соломы. А зерно — по тридцать два центнера с гектара! — уже покоится в колхозных закромах и в закромах государства.

Огромное поле подсолнуха миллионами золотых круглых глаз нестороженно наблюдает за солнцем. На тысяче гектаров кудрявится изумрудная ботва сахарной свеклы, и под ее листьями усеиваются бураки набираются соков. Вдруг Василий Михайлович наклоняется, выдергивает из земли травинку и швыряет ее на дорогу.

— *Chenopodium album*, — говорит он, — а по-русски — лебеда. Ей сейчас вовсе тут не место!

Глубоко сидит в нем ученый, и латинские названия растений помнятся ему так, будто он только что сдал экзамен по латыни. А что касается сорняков, то пойдя поishi, не очень-то найдешь их на восьми тысячах гектаров колхозных полей.

Да, есть чему поучиться у Василия Кавуна!

За четыре года он помог колхозу удвоить недельный фонд.

Как это было? Обо всем не расскажешь. Но с гречихой, например, было так: чтобы она лучше опылялась, Василий Михайлович распорядился вывезти на гречишное поле всю колхозную пасеку — по семь-восемь ульев на гектар (агротехника рекомендует по два). И урожай гречихи сразу подпрыгнул до 26 центнеров с гектара. Это можно назвать агротехническим экспериментом. А можно — как в искусстве — творческим поиском.

Чехов писал о людях, выбирающих теневую сторону. Так им споконнее, удобнее, так легче жить. Солнечную сторону жизни выбрал Василий Кавун! Выбрал потому, что все, что на этой стороне: любовь к людям, к жизни, к знаниям и труду, — все у него в душе.

...Уходит на запад горячее степное солнце. И люди уходят с полей.

Пора и Василию Михайловичу в правление: там его уже ждут. По дороге он тихонько мурлычет песню, у него хорошее настроение: уж очень хороши поля, для него они красивее всего на земле!

Бухгалтерия — центр колхозного учета, и, конечно, В. М. Кавун часто заходит сюда.

Шляховая.

Материал, защищенный авторским правом

Колхозный снот в летнем лагере.

Гречиха — слава колхоза, источник его больших доходов.

Разговор председателя с трактористами.

Цветы и свиньи...

На обороте:
Ночами, когда в колхозе затихает жизнь, Василий Михайлович работает над кандидатской диссертацией.

